

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4
П 33

Пирогова, Л. И.

П 33 Крик журавлей в тумане / Людмила Ивановна Пирогова. — М.: Сибирская Благовонница, 2020. — 762, [6] с.

ISBN 978-5-00127-137-6

Журавлям, заблудившимся в тумане, отыскать свое гнездо помогают сородичи, подающие призывный крик с земли. Журавли живут стаями и всегда возвращаются домой, к истокам. Герои этой книги тоже стремятся к истокам, но трагические события двадцатого века выстраиваются в их судьбах в неисповедимый лабиринт. В поисках выхода из него они учатся выживать в воркутинских лагерях, в горах Афганистана, в пустынях Африки. И есть лишь одно спасение в череде испытаний — святая вера, которая помогает сохранить достоинство и семью. Книга легко читается и надолго остается в памяти, потому что она — о каждом из нас и о главном, что есть в нашей жизни: о вере, любви и надежде.

© Пирогова Л.И., текст, 2013

© Издательство Сибирская

Благовонница, оформление, 2013

Не считай уходящие дни —
Все свершится в положенный срок.
Ты и смерть, как сестру, люби,
Ведь она твоей жизни итог.
И устав от мирской суеты
Тихо день догорит за спиною...
На пороге оставив цветы,
Молча дверь затвори за собою.

Билал Лайпанов
Карачаевский поэт
1988 г.

*Памяти Оленьки,
любимой моей сестры,
безвременно покинувшей
этот мир,
посвящаю...*

Часть I

Дети

1964

год

ГЛАВА 1

Озорной солнечный луч пробился сквозь узорную занавеску к лицу спящей девочки. Татьяна открыла глаза и первым делом подумала о том, что бабушка уже наверняка вытащила из печки крынки с топленым молоком. А это значит, что сейчас молоко остывает золотистыми корочками пенок. Татьяна посмотрела наверх, туда, где на лежанке возле печи спал Мишка. Судя по сладкому похрапыванию, брат, который был главным конкурентом в борьбе за общие пенки, досматривал свои сны.

«Ага, — обрадовалась Таня, — опять я первая, опять все пенки мои».

У печки, гремя ухватами и чугунками, сустилась бабушка Настя. На столе, возле самого окна, в крынках остывало топленое молоко. Соскользнув с высокой деревянной кровати, босиком, в длинной ночной сорочке и с распущенными

волосами, Таня тихонько прокралась, скрываясь за спиной бабушки, пальчиком ловко сняла с молока румяную сливочную пенку.

— Баушк, — обиженно забасил проснувшийся вдруг Мишка, — Танька опять пенки ворует!

— Вот озорница, — посетовала та. — Оставь Мишке немножко.

— Меньше спать надо, соня-засоня, — крикнула Танька, увидев, что бабушка потянулась к полотенцу.

— Да ты хоть переоденься, да причешися, не то люди смеяться будут, — попыталась остановить ее бабушка, но Танька уже выбежала из горницы, громко хлопнув дверью.

Она торопилась к зарослям малины, буйно разросшейся вперемежку с крапивой прямо под окном.

Накануне вечером, перед тем как заснуть, Таня долго смотрела в темное небо, ожидая Финиста — Ясного сокола. Если он прилетал к Марьюшке, то почему бы ему не прилететь и к ней, Тане? Она давно уже разложила на подоконнике мягкий бабушкин полушалок, чтобы Финист — Ясный сокол знал: никаких сестер-злodeек у нее нет и ножами его здесь не поранят. И сейчас она спешила посмотреть, не проспала ли она своего героя и не оставил ли он для нее на малиновом кусте золотое перо? Увы, никакого пера, ни золотого, ни куриного, девочка не обнаружила. Одна лишь крапива хищно напряглась в ожидании жертв. Первой стала Танька, потому что подлый Мишка, подкравшись

сзади, безжалостно толкнул ее прямо в середину зарослей. От Танькиного рева зашелся лаем пес Шарик, а Мишка громко расхохотался. Свою радость он демонстрировал до тех пор, пока не увидел, что на помощь Таньке бежит ее «ухажер» Андрюшка. Высокий, плечистый, он был на год младше Мишки, но физически превосходил его. В деревне они были первыми друзьями, но если дело касалось Таньки, то Андрей мог и в морду дать. Мишка решил не рисковать и быстренько определился в помощники к бабушке. Тем временем Андрей вытащил ревущую Таньку из кустарника и начал сдирать с нее колючки. Танька, вспомнив наконец, что на ней всего лишь одна ночная сорочка, почему-то назвала его нахалом.

— Это я нахал? Ты орешь по утрам, как резаная, я тебя спасаю, я же еще и виноват? — опешил Андрей.

— А я, между прочим, тебя об этом не просила. Тоже мне спасатель нашелся. И вообще, иди отсюда, это мой огород!

— Ну ладно, Тань, ну чего ты, — начал уговаривать вздорную девчущку Андрюшка, готовый стерпеть от нее любую несправедливость, — ну хочешь, Мишке в морду дам, это ведь он тебя в крапиву толкнул.

— Только попробуй тронь моего брата, получишь у меня знаешь что! — упрямо встряхнув головой, она откинула назад золотистые волосы, подняв свой миниатюрный кулачок, стукнула Андрея по плечу. Выше, даже встав на мысочки,

дотянуться не могла, и, развернувшись, гордо направилась к дому.

— Ну и дура, — крикнул вслед Андрюха.

— Сам такой, — не промолчала Танька.

В свои десять лет она твердо знала, что с мужчинами надо вести себя именно так, даже если они старше тебя на целых пять лет.

ГЛАВА 2

Лето подходило к концу. После Ильина дня зарядили дожди. Таня сидела у окна, смотрела на улицу и отчаянно тосковала, переживая скорую разлуку с любимой деревней.

Отец привозил их с Мишкой сюда, к бабушке в Соцкое, каждое лето. Мама закупала подарки, собирала чемодан, а когда все было готово, отец подгонял к дому милицейский газик, усаживал в него детей, укладывал многочисленные пакеты, и Таня отправлялась в путешествие. Длилось оно всего три часа, но Тана измеряла его не временем, а количеством впечатлений от увиденного за окном. А их было великое множество, потому что дорога в деревню сначала проходила через городок, состоявший из покосившихся двухэтажных домишек и деревянных магазинов с аляповатыми вывесками. На выезде из города дымилась огромная свалка, над которой кружили галдящие птицы, наводящие ужас на впечатлительную Таню. За свалкой высокой стеной поднимался лес,

в глубине которого, как подозревала Таня, стояла избушка Бабы-яги.

Лес прерывался ровно распаханными полями, где набирали силу рожь и пшеница. Но страна чудес для Танюшки начиналась только тогда, когда они после Графского пруда въезжали под волшебный свод березовой аллеи. Ответ на вопрос о том, как здесь появилась аллея, Тане не смог дать никто. Тогда она сочинила собственную версию, по которой березы посадил прекрасный юноша в память о своей погибшей любимой девушке. Брат Мишка эту версию не одобрял, утверждая, что березы остались от леса, который рос здесь раньше. Все деревья вырубил, а березы остались, потому что дерево это для дела бесполезное, годное только на дрова. Каждый раз, проезжая по аллее, они начинали спорить и, не находя точек взаимопонимания, вконец разругавшись, молча въезжали в деревню Паскино, где на въезде их встречала полуразрушенная церковь. От нее до развесистого дуба, с которого начиналось Соцкое, можно было пройти пешком. В Паскине кроме церкви были магазин и больничка. В магазин они с бабушкой ходили за хлебом и за пузатой карамелью «подушечка».

В больничке Таня не была ни разу, но со слов бабушки знала, что там «фелшер Сидор Тимофеич ставит на ноги мертвых». Как ему это удавалось, Танька не понимала. На вид Сидор Тимофеевич был безобидным, почти слепым стариком, не способным проводить манипуляции не только с мертвыми, но и с живыми. Таня придумала, что по ночам

на помощь к нему прилетает Марья-волшебница и вдвоем они колдуют над мертвыми. А Соловей-разбойник им мешает. По Таниному глубокому убеждению, этот самый Соловей жил в огромном дупле дуба. Иногда она даже слышала его разбойничий свист. Несколько раз Таня подговаривала Андрюху устроить возле дуба ночную засаду и взять ее с собой. Андрей засаду устраивал, но ее никогда не брал, а потом говорил, что ничего не видел, советуя Таньке чаще голову проветривать.

Дуб первым встречал Танюшку, когда она приезжала, и последним провожал в обратную дорогу.

Сейчас, глядя в окно на покорно мокнущие под дождем резные листья, Таня думала о том, что совсем скоро они пожелтеют и опадут, но она этого не увидит, потому что завтра приедет папа и увезет их с Мишкой в город.

Грустные размышления прервала бабушка Настя. Она неслышно подошла сзади и погладила внучку по голове. Рука у бабушки была шершавой, и сама бабушка, казалось, вся состояла из мозолей, превративших ее раньше времени в сухую и поджарую старуху.

По характеру своему она была строгой, но не злой. Внуков особенно не баловала, но лучший кусок всегда отдавала им. Она любила их той любовью, с которой переплеталась вся ее тяжелая жизнь, состоящая из черной крестьянской работы, вечных забот о хлебе насущном и чувства долга солдатской вдовы перед землей, детьми и родным домом. Летом Мишка ей помогал. Носил

воду из колодца, готовил корм для кур, рубил дрова и иногда даже доил корову Чернушку. Танька тоже хотела помогать, но у нее ничего не получалось. Когда она подходила к курам, на нее начинал охотиться петух. Пытаясь наладить с ним отношения, она подкидывала ему крошки хлеба, но петух, будучи существом на редкость неблагодарным, склевав подаяние, набрасывался на свою кормилицу с удвоенной энергией.

Не складывались у Тани отношения и с Чернушкой. Завидев девочку, корова начинала угрожающе размахивать хвостом, будто предупреждала, что к ней лучше не подходить.

Но однажды Танька изловчилась и пробралась к Чернушке поближе. Подражая бабушке, она уселась на низенькую скамеечку, подставила под наполненное вымя ведро и стала жать на соски. Пока корова терпела, Танька старалась изо всех сил. Она пыхла, сопела, и почти повисла на сосках, пытаясь выжать молочную струю. Потом коровье терпение закончилось, и Чернушка, не выдержав издевательства над собственной персоной, задним копытом выбила ведро, к тому же обрушив на голову юной доярки струю отходов своей жизнедеятельности. Чтобы отмыть любимую внучку, бабушке пришлось топить баню, после чего она категорически запретила Тани подходить к Чернушке.

— Ну, что грустила, внучка? — бабушка ласково погладила Татьянину головку. — Завтра отец за вами приедет, а сегодня тебя жених в гости звал. Рождение у него, вечерок справлять будете.

Он за день-то раз пять прибежал, все спрашивал, придешь ты аль нет? Егозит, инно журка на одной ноге прыгает!

— Ой, бабушка, как ты сказала — журка! Прямо как про собаку!

— Вы, городские, думаете, что больно грамотные, а на самом деле — тьма дремучая! Журкой у нас спокон века журавлей молодых кличут.

— А разве журавли бываю старыми?

— Бывают. Они же до двадцати лет живут, а при хорошей жизни, люди говорят, что и долголетно — до восьмидесяти дотянуть могут.

— А где они живут?

— Экая ты, Танька, заноза! То одно ей расскажи, то другое! Книжки читай, там все написано!

— А ты лучше книжки, — лукаво улыбнулась Таня, — ты вон как интересно рассказываешь!

— Ох, подлиза, — бабушка обняла внучку, — ладно, пока пастух коров не пригнал, посижу с тобой минутку.

— Посиди, посиди, — Таня, обрадовавшись бабушкиной сговорчивости, потянула ее на скамейку, застеленную самотканым покрывалом, — я тебе помягче постелю. Садись. Так, где журавли живут?

— Так-то они, наверное, по всему Божьему миру живут. Их же много разных. А у нас за Берниковой излучиной, наши, местные, серые журавли гнездятся. Там болота с высокой осокой, осинники да березняки, любят они такие места. Каждую весну прилетают. Найдет себе пара место и начинает

глухо так клокотать, своим сигналить: с прилетом вас, но занятая кочка, пролетайте дальше.

— А почему пара?

— Любовь у них, у журавлей, верная очень. Как сойдутся, так и живут до гробового дня: птенцов высиживают, корм добывают, гнезда охраняют — все напополам делают. А еще танцуют они. Вон, как на наш Мокрый луг по весне прилетают, так и начинают выкаблучивать!

— У них что, ноги с каблуками?

— Да это я так, к слову. Больно танцы у них интересные. То шагать примутся, ноги выше, чем солдаты на марше поднимают, а то вверх подпрыгивают, крыльями машут, крутятся. Или бегать начнут, да все зигзагами, зигзагами, а потом раз — и встанут, и кланяются, вроде как поклон делают. И замирают. Крыльями встряхнут и стоят. Прямо будто мумии какие.

— Они танцуют от радости, что еду нашли?

— Может, от этой радости, а может, от другой какой. Вот когда под вечер крик раздается, звучный такой, чистый, значит, журавль журавушку подзывает. И все у них по любезному согласию утакивается; если кто кому не подходит, ни в жизнь не сойдутся. А коли по согласию сходятся, начинают на пару петь, в лад. У нас так и говорят: журавли запели — на гнездовье сели. Сидят они там, один птенцов высиживает, другой сторожит. Как опасность заслышит, так кричит, прямо трубит даже: «круууу... крууу...», предупреждает, на беду жалуются. У них для каждого разговора свой звук есть:

то расшумятся, словно новости на базаре обсуждают, а то крикнут резко: «Крррр», беги, мол, спасайся! Ежели время пришло на зимовку лететь, то у них другой сигнал есть, четкий такой, спокойный: «кру... кру».

— А когда они на зимовку улетают?

— Ты уедешь, и они следом за тобой полетят.

— Прямо за папиной машиной?

— Экая ты придумщица! Журавлям до машин ваших дела нет. У них свой срок... Они с начала августа гнездовья покидают, на перестойку собираются в тех местах, где корм для них есть. Вот как много их наберется, корм на лугах закончится, так тут и жди — полетят... Бывает, иной день прямо по нескольку стай взлетают. Кружат, кружат, чтобы повыше подняться. Любят они высоко летать... Пока поднимаются, местами меняются, вперед кто посильнее выходит, а кто послабже — за ними встают, чтобы попутный ветер им был. Так клин и выстраивается, а потом отправляется в путь-дорогу, в теплые края... Как услышишь курлыкают — посмотри в небо, это журавушки наши летят, переключку делают, своих окликают. Посмотришь на них, и на душе светлее станет — чтут птицы благочестивый порядок...

— Ты про них, как про людей, рассказываешь! — восхитилась Таня.

— Они и есть люди, только с крыльями. А может, и лучше еще. Потому что в беде друг друга не бросают, слабым, которые отстают, крыло подставляют. Друг о друге заботятся, об опасности

предупреждают, а еще вот что бывает. Журавли, когда возвращаются, случается, что в тумане болото свое теряют. Так тогда те, кто уже на земле, протяженно клекотать начинают, будто сигнал подают: летите сюда, здесь ваш дом. И заблудшие возвращаются. И все у них идет своим чередом. Вот такая она птица, журавль наш серый... Засиделась я тут с тобой, девка, идти мне надо. Как меня свекровь учила: «Не та хозяйка, которая складно говорит, а та, котора щи хорошо варит!»

— Я щи не люблю, — настырничала Таня, — ты мне еще не сказала, куда журавли летят.

— Слушать надо было лучше. А то получается опять по присловию: жил-был журавль с журавлихой, поставили они стожок сенца́ — не сказать ли опять с конца?.. Говорила ужотко — в теплые края. На юг, значит!

— Почему все на юг летят, а на север — никто?

— Ты это у мамки своей спроси, она про северные края лучше всех все знает.

— Разве? — удивилась Таня. — Она мне про это никогда не рассказывала.

— Вот и пусть расскажет, а я все, что знала, сказала.

— Настасья, — постучала в окошко бабушкина соседка, — ты корову-то будешь загонять, или ненужная она тебе стала? Полчаса ужо у ворот мычит.

— Ой, это ж надоть, как я оплошала, — бабушка спохватилась и побежала во двор, на ходу хватая корку хлеба для Чернушки.

ГЛАВА 3

На день рождения Таня решила надеть новую белую кофточку с ажурным жабо и кружевными манжетами на рукавах.

К Андрею она испытывала особые, непонятные для нее самой чувства. Он считался самым видным парнем в деревне, а может, и в Ленинграде, из которого приезжал каждое лето. Все знали, что по нему сохнет вредная Валька с выселок. А еще знали, что из всех деревенских девчонок он выделяет только «малолетку» Таньку. И Таня это знала, но что надо делать с этим знанием — не понимала, хотя оно ей льстило и давало повод воображать перед подругами.

Определив Чернушку к месту и напоив ее, баба Настя вернулась в дом. Посмотрев на то, как внучка прихорашивается, она сказала:

— Наряджалась барыня — веселилася, нагулялася — прослезилася.

— Ой, бабуль, что-то ты не то сказала.

— Куда уж нам, деревенским, это вы с матерью барских кровей, не нам чета, — махнула рукой баба Настя. — Дай-ка мне, барыня, бадью с водой. Пить дам Чернушке.

Бабушка ушла, а Таня уставилась на свои руки, пытаясь разглядеть в них барскую кровь.

— Танюха, — толкнул ее в плечо вбежавший в дом Мишка, — ты пойдешь или нет, меня Андрюха за тобой прислал. Все уже собрались, одна ты копаешься. Если бы не он, я бы за тобою сроду

не побежал. Не барыня, чтоб ждать тебя по часу. Где книжка, которую мы надумали Андрюхе подарить?

— А вот и барыня, — огрызнулась Танька и, подражая бабушке, добавила: — Не видишь, что ли, ослеп? На столе лежит.

— Про чего она? — поинтересовался Мишка, беря книгу в руки.

— Какой же ты необразованный! — вздохнула Таня. — Не про чего, а про кого. Про Чапаева. Фурманов сочинил.

— Ладно, умная, поторопись. Андрюха тоже дурак, что в тебя уперся. Жених и невеста, тили-тили, тесто, — дразня Таньку, Мишка взял книгу и выскочил из дома.

Она побежала следом за ним, накинув сверху бабушкину брезентушку, потому что противный дождь все еще продолжал моросить.

Андрей подждал гостей, укрывшись от дождя на покосившемся крылечке.

— Тань, ты чего так долго, я уже испугался, что ты совсем не придешь, — Андрей взял ее за руку.

— Надо так, — капризно вывернула руку Таня.

Андрей снял с нее брезентушку и начал стряхивать. Мишка, глядя на такие телячьи нежности, презрительно хмыкнул.

Войдя в дом, Таня немного оробела, увидев среди гостей одних только взрослых ребят и девочек. Дни рожденья в деревне не отмечались, и никто из них явно не знал, чем же надо заниматься в такой диковинный праздник.

— Поздравляем, — первой сообразила Таня, протягивая Андрею книгу, — желаем счастья и здоровья.

— И мы, и мы тоже, — загалдели ребята, обрадовавшись долгожданной подсказке.

Андрею подарили три книги о Чапаеве — в сельпо более подходящей книги не продавалось, корзину под грибы и большую чашку с блюдцем. Рыжая Валька, окончательно покраснев, протянула ему носовой платок, размером со скатерку, с вышитыми на нем инициалами: А. Т. — Андрюша Тимофеев.

Потом ребята пили чай из огромного медного самовара. В расписном деревянном блюде лежали маковые баранки, а в стеклянной вазочке белели огромные куски колотого сахара. Мальчишки, демонстрируя свою ловкость, наперегонки раскусывали их металлическими щипчиками и угощали девчонок. В соответствии с деревенским этикетом, девчонки переливали чай из чашек в блюдца и, удерживая их дно на кончиках пальцев, неспешно запивали сладость. Когда все напились чаю, Валька, не сводя глаз с Андрея, предложила:

— Давайте в ручеек поиграем.

— Давайте, — поддержали ее ребята.

— Ой, течет, течет вода, открывайте ворота, — подпевая, она подбежала к Андрюшке и, схватив его за руку, потянула в первый ряд, — руче-ручечеек, своих рук не уберег.

Андрей, извернувшись, избавился от Валухи и потянул за собой Татьяну.

«Интересно, а у нас с Андрюшкой есть такое любезное согласие, чтобы в лад петь, как журавли?» — думала она, вставая с ним в конец цепочки.

От раздумий Таню отвлек Мишка.

— Сеструха, хорош мечтать, слетай домой за пластинкой Утесова, мы патефон в шкафу нашли.

— Никуда я не пойду, — отказалась Таня, — для ручейка Утесов не нужен.

— Правильно, — откликнулся кто-то из парней, — и ручеек ваш детский не нужен, и Утесов тоже. Надо деда Федю с гармошкой позвать. Он так наяривает, что ноги сами в пляс идут. А вы: ручеек, ручеек.

— Фи, ну ты сказанул, — присвистнул Мишка, — дед ходить не может, не то что на гармошке играть.

— Давайте я вам на балалайке сыграю, — предложил Андрюшка.

— А ты умеешь? — недоверчиво, почти хором спросили его ребята.

— Умею, — Андрей смущенно улыбнулся и из комода, стоявшего в углу передней, вытащил кожаный футляр.

Достав из него балалайку, казавшуюся в его сильных руках детской игрушкой, он, как бывалый музыкант, проверил струны, что-то там сбоку подкрутил и запел, подыгрывая себе: «Светит месяц, светит ясный». Танька смотрела на него как замороженная. Музыка звучала все громче и громче. Она вдруг заметила, что Андрюшка особенный, не такой, как другие ребята. Статный, смуглый,

черноволосый, он обладал такой притягательной силой, что все вокруг начали в такт ему подпевать. А он, не выпуская из рук балалайку, пустился вприсядку вокруг Татьяны, подмигивая ей чуть раскосыми карими глазами и приглашая ее принять участие в веселой пляске.

Растерявшаяся Таня стояла неподвижно, переполненная новым для нее ощущением. Ей стало вдруг очень жарко, показалось, что еще мгновение — и она упадет в обморок, не выдержав всеобщего внимания и удалого натиска музыканта. Но балалайка смолкла, танец закончился, и ребята начали громко хлопать в ладоши, приводя в порядок Танины чувства.

— Здóрово! — закричали ребята.

— А по нотам можешь?

— Могу без нот, по памяти. И настоящего композитора могу... — гордо сказал он и объявил, сражая публику наповал своими знаниями: — Чайковский. Песня. Неаполитанская.

— Какая-какая? — переспросил Мишка.

— Город такой есть — Неаполь. Про него Чайковский песню написал, — пояснил Андрей.

Он снова заиграл, да так, что Валька от обожания даже рот открыла.

— Ой, Андрюша, — чуть дыша, произнесла она, когда песня закончилась, — ой, как ты играешь! И где ты так хорошо научился?

— В школе музыкальной, где еще. Хотел на гитаре, но не нашел инструмента. Баян с пианино — дорогие инструменты. А балалайки в музыкалке

у нас бесплатно дают, только играй. Ну, вот я и играю. Даже на концертах выступал. Хотел бросить, но учительница не дала, способности у меня обнаружилась. Предки тоже приставать начали, чтоб я доучился. Но я уже решил, что буду переучиваться на гитару, — сказал он, укладывая балалайку в футляр. — Айда на улицу, кажется, дождь кончился.

Дождь и в самом деле прекратился, оставив после себя лужи и умытую до самых корней траву. Воздух был свеж и прохладен. Ребята гурьбой высыпали на улицу и долго еще гуляли по деревне, дурачась и веселясь.

Андрюшка ни на шаг не отходил от Татьяны, которая снова вспомнила про журавлей.

— Андрюш, а ты журавлей видел?

— Тыщу раз. Они на одной ноге спят. Голову набок положат и дрыхнут. Умора!

— Какой-то ты, Андрюшка, неинтересный, — вздохнула Таня.

— Это почему? — обиделся тот.

— Потому что у журавлей, у них любезное согласие, верность, курлыканье. А ты — дрыхнут на одной ноге!

— Что видел, то и говорю. А чего ты к ним привязалась, к журавлям этим?

— Потому что эти птицы — как люди в перьях, мне бабушка рассказала. Я, когда вырасту, буду жить по-журавлиному, мне так нравится.

— Глухая ты еще и еще папанка, — Андрей, остановившись, взял ее за руку и повернул к себе лицом, — но ты мне очень нравишься.

— Я умная, — возмутилась Танька, — и вообще мне про тебя неинтересно, мне про бабушку твою Лукерью и про цыган интересно.

— Далась тебе эта Лукерья! Обыкновенная бабушка была, навроде твоей. Ничего особенного. Лучше дай мне твой адрес, а то, Мишка сказал, уезжаете вы завтра.

— Зачем?

— Я переписываться с тобой хочу.

— Ну и хоти себе, — заважничала Таня.

Когда они подошли к дому бабушки Насти, Андрей, переминаясь с ноги на ногу, тихо спросил:

— А можно я тебя в щечку поцелую? — и, не дожидаясь ответа, прикоснулся к ее щеке губами.

Его прикосновение было таким же мягким и атласным, как прикосновение маминогo кружевного платочка, вытирающего слезки с ее щек.

— Андрюх, смотри, звезда падает, — раздался из темноты Мишкин голос.

— Брешешь? — не поверил ему Андрюшка.

— Не веришь, сам гляди. Ой, скорее, она прямо над твоим домом летит! — закричал Мишка.

Андрюшка рванулся к нему, оставив на мгновение Татьяну одну, и тут же чьи-то сильные руки толкнули ее прямо в лужу. Упершись голыми коленками в липкую грязь, она заревела.

— Ой, а что это здесь за сопли в луже валяются? — рыжая Валька довольно улыбалась, наблюдая за барахтаньем ревущей во весь голос девчонки.

— Ну, Валька, была б ты парнем, я б тебе сейчас в морду дал, — сказал подбежавший Андрей, поднимая Таньку.

— Еще бы и от меня получила. Корова рыжая, — поддержал друга Мишка. — А ну иди отсюда, пока я тебе не двинул.

— Па-а-думаешь, — протянула Валька недовольно, — падают тут в лужи недотроги всякие, а я виновата. Сами и на ногах держаться еще не научились, а туда же, с парнями гулять норовят, да еще целуются.

— Валька! — угрожающе произнес Андрюшка. — Предупреждаю!

— Да ладно, возитесь тут со своим детсадом сами, сопли вытирайте. Пошла я. Улица не купленная, где хочу, там и гуляю, может, и вернусь еще. Пока, Мишенька. Андрюшенька, до встречи.

Отряхивая ревущую сестру, Мишка сказал:

— Надоели мне, Андрюха, твои девки. Все лето под ногами крутятся.

— А вот и не крутимся, — Таня, разъяренная обидным обобщением брата, топнула ногой и, попав в лужу, еще раз окатила себя грязью.

— А ты-то здесь при чем? — удивился брат.

— При том! — Таня развернулась и пошла в дом, громко стукнув дверью.

— Вот и адрес у нее взять не успел, а она завтра уедет, — расстроился Андрей, глядя на закрытую дверь.

— Определенно, все влюбленные чокнутые. Ты что, совсем того? — Мишка покрутил пальцем у виска. — Ты мне скажи, я тебе свой адрес дал?

— Дал, и что? — Андрей недоуменно посмотрел на друга.

— А то, что сестра она мне, понимаешь? Родная, — Мишка посмотрел на Андрея, как на больного.

ГЛАВА 4

С утра баба Настя напекла пирогов. Отец приехал рано. Таньку разбудил его бас, доносившийся с кухни.

«Может, и мама с ним приехала?» — подумала она и, соскочив с кровати, уж собралась бежать на кухню.

— Ну, как там барыня твоя поживает? Не прогнала еще тебя, дурака крестьянского? — резкий голос бабушки остановил Таню.

Она замерла на пороге, не решаясь раздвинуть холщовые занавески.

— Мам, ну я же просил тебя не обижать ее, — недовольно ответил отец. — Надя — хорошая жена и мать. Живем мы дружно, отношения у нас в семье хорошие.

— Да чего плохого в таких-то отношениях. Тобою, дураком деревенским, грех свой дворянский прикрыла. Повесила на тебя Мишку, сынка своего приبلудного, и ходит, пальчики растопырив. Слова в простоте не скажет, все на «вы», да «пожалста», да тихим голосом. Смотреть тошно. Тьфу! — бабушка сердито загремела ухватом.

— Ты, мать, как молоток. Долбишь и долбишь в одну точку. И ведь сколько раз просил тебя — отвяжись ты от нас... Нет, знай свое гнет.

— Как мне отвязаться-то? Ну как? Думаешь, легко мне здесь с хозяйством управляться? Все жилы себе вытянула. Думала, на старости лет, сын женится, меня к себе заберет, хозяйкой буду. Ан нет. Хозяйка у нас таперя барыня. А мне что? До гробовой доски в навозе здесь топнуть?

— Мама, я тебе всегда говорил и сейчас повторяю: продавай дом и приезжай. В этом году должна наша очередь на квартиру подойти, обещают трехкомнатную дать. Одна комната твоя будет. Будешь в ней хозяйкой. Зимой у батареи грейся, летом, как и полагается бабкам, на лавочке во дворе сиди, отдыхай. Имеешь право. Нароботалась.

— Спасибо, сын, что расщедрился, хозяйкой комнаты назначил на старости лет. Сиди, как в скворешнике, и делай, что барыня прикажет... Мать квартиранткой стала.

— Ну, вот опять. Мыло-мочало, начинай сначала. Ну не нравится тебе Надя, поезжай, живи у Ленки, — в голосе отца послышались нотки раздражения, — у тебя ведь не только сын, но и дочь еще есть.

— Дочь не хозяйка, — перебила его бабушка, — в семье мужику положено хозяином быть.

— Не знаю, что там и кому положено, а наша Ленка сама себе и своей семье хозяйка... Материально я тебе всегда помогать буду.

— Только и съешь деньги! Что мне твои деньги, если мне на старость лет уважение нужно и покой. А какое тут уважение, если невестка — барыня, а сын матери слова ласкового не скажет! — бабушка всхлипнула.

— Никак тебе не угодишь. Ни с одной стороны, ни с другой. Сил нету с тобой разговаривать. Собирай детей, уезжаю я. И не приеду больше до тех пор, пока ты не поумнеешь. Лопнуло мое терпенье.

Таня услышала, что отец встал и направился к занавеске, за которой она стояла. Сзади бодро подошел Мишка.

— Где мама? — тихо чужим голосом спросила Таня. «Только бы не слышал»...

— Как где? Дома. Нас ждет. Правда, пап? — Мишка обернулся к отцу.

— Конечно, очень ждет. Она без вас все лето скучала. К школе вам все уже приготовила. Тетради купила, карандаши, учебники новые, — принялся объяснять отец, — только форму еще не купила. Без примерки, говорит, нельзя... «Вдруг они за лето на деревенских харчах раздобрели». А вы и впрямь подросли, загорели. Сил набрались для школы.

Таня слушала невнимательно. Она переводила взгляд с отца на бабушку и видела их непривычно смущенные лица. Из услышанного она поняла не все, но догадалась, что в их семье существует какая-то тайна. Самые родные и близкие для нее люди — мама, папа, брат в одно мгновение превратились в незнакомцев: мама — барыня, Мишка — приبلудный сын, папа — дурак деревенский. Раньше Тане не доводилось слышать таких слов, и теперь она не знала, как должна их понимать.

— Пора за дело приниматься. Некогда нам сегодня прохлаждаться. Пошли, Лексей, по дому кой-чего поможешь, а то скоро ехать надо, чтоб засветло обернуться, — подвела итог баба Настя.

Содержание

Часть первая	
ДЕТИ. 1964 год.....	7
Часть вторая	
РОДИТЕЛИ. 1935–1954 годы.....	29
Часть третья	
ИВАНОВЫ. 1965 год.....	164
Часть четвертая	
ФАРЕЦКИЕ. 1971 год.....	310
Часть пятая	
ДОРОГИ ЖИЗНИ. 1975–2007 годы.....	435
ЭПИЛОГ	755